

РУДОЛЬФ ШТЕЙНЕР

ТЕОСОФИЯ

Рудольф Штайнер

Теософия

«Автор»

Штайнер Р.

Теософия / Р. Штайнер — «Автор»,

Тот, кто знаком с сущностью «доказательства», для того ясно, что душа человеческая находит истину иначе, не на путях спора, борьбы друг против друга. И сообразно этим воззрениям и взглядам пусть появится эта книга во втором издании своем перед современностью. «В этой книге дается описание некоторых областей сверхчувственного мира. Тот, кто хочет признавать один лишь чувственный мир, может счесть это описание за несуществующее порождение фантазии. Но тот, кто хочет искать путей, ведущих за пределы чувственного мира, тот скоро научится понимать, что жизнь человеческая приобретает цену и значение лишь через прозрение миров иных». Перевод второго немецкого, исправленного и дополненного, издания 1908 года.

© Штайнер Р.

© Автор

Содержание

Предисловие	5
Существо человека	8
Телесное существо человека	10
Душевное существо человека	11
Духовное существо человека	12
Тело, душа и дух	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Рудольф Штайнер

ТЕОСОФИЯ

Введение в сверхчувственное познание мира и назначение человека

Предисловие

Когда осенью 1813 г. Иоганн Готтлиб Фихте выступил со своим «Учением», как зрелым плодом своей жизни, всецело посвященной служению истине, то в самом начале его он высказал следующее: «Это учение предполагает совершенно новый внутренний орган чувства, которым будет восприниматься новый мир, вовсе не существующий для обыкновенного человека». И затем он показал на сравнении, как непонятно должно быть это учение тому, кто хочет судить о нем по представлениям обычных чувств: «Представьте себе мир слепорожденных, которым ведомы лишь те вещи и те соотношения между ними, которые существуют благодаря чувству осязания. Придите к ним и заговорите с ними о красках и об иных соотношениях, существующих лишь благодаря свету и для зрения. Вы будете говорить им о том, чего нет, и еще самое лучшее, если они скажут вам об этом прямо; по крайней мере, вы скоро заметите свою ошибку, и если вы не в силах раскрыть их глаза, то вы прекратите напрасную речь». И вот, кто говорит людям о таких вещах, как в этом случае Фихте, тот слишком часто оказывается в положении, похожем на положение зрячего между слепорожденными. Но ведь это именно те вещи, которые относятся к истинному существу и высшей цели человека. И кто подумал бы, что необходимо «прекратить напрасные речи», тот должен был бы таким образом отчаяться в человечестве. Напротив, ни одного мгновения не следует сомневаться, что «раскрыть глаза» на эти вещи возможно каждому, кто только сам проявит на то добрую волю. Поэтому, исходя из этого предположения, говорили и писали все те, кто чувствовал внутри себя выросшим этот «внутренний орган чувства», при помощи которого они могли познать скрытое от внешних чувств, но истинное существо человека, поэтому с самых древних времен все снова и снова говорится об этой «сокровенной мудрости». Те, которые что-либо восприняли из нее, чувствуют себя в своем знании так же уверенно, как обладающие нормальными глазами в своих красочных представлениях. Для них эта «сокровенная мудрость» не нуждается ни в каком «доказательстве». И они знают также, что не требуется доказательства и для того, у кого, подобно им, открылось «высшее чувство». С таким человеком они могут говорить так, как путешественник говорит об Америке с теми, кто, хотя бы сами и не видели Америки, но способны составить себе представление о ней, так как они увидели бы все то, что видел он, как только им представился к тому случай.

Но не только к таким должен обращаться исследователь высших истин. Он должен обращать свои слова ко всем людям. Ибо ему надо говорить о вещах, которые касаются всех людей; да, он знает, что без познания этих вещей никто не может быть «человеком» в истинном смысле этого слова. И он говорит ко всем людям, потому что ему известно, что существуют различные степени понимания того, что он может сказать. Он знает, что даже и те, которые еще далеки от мгновения, когда им откроется возможность собственного духовного исследования, все же могут отнестись к нему с пониманием. Ибо для большого *чувство и понимание* есть в каждом человеке. И прежде всего он обращается к этому пониманию, которое может вспыхнуть в каждой здоровой душе. И он знает также, что в этом понимании есть сила, которая постепенно должна привести к высшим степеням познания. Это чувство, которое сначала, может быть,

совсем ничего не видит из того, о чем ему говорят, оно и есть тот волшебник, что раскрывает «око духа». Это чувство поднимается во тьме. Душа не видит, но, благодаря этому чувству, она бывает охвачена могуществом истины, и затем постепенно истина приблизится к душе и раскроет в ней «высшее чувство». Для одного это может длиться дольше, для другого короче; у кого есть терпение и выдержка, достигнет этой цели. Ибо, если и нельзя оперировать каждого физически слепорожденного, то каждое духовное око может быть раскрыто; и лишь вопрос времени, когда оно откроется.

Ученость и научное образование не являются неперенными условиями для раскрытия этого «высшего чувства». Оно может раскрыться и у простого человека точно так же, как у высоко ученого. То, что ныне именуется часто «единственно истинной» наукой, может служить скорее помехой, чем помощью к достижению этой цели. Ибо эта наука слишком часто считает «действительным» лишь то, что доступно обыкновенным чувствам. И потому, как ни велики ее заслуги в области познания этой действительности, но наряду с этим она, помимо своего желания, создает множество предрассудков, которые закрывают доступ к высшим реальностям.

Против того, что здесь сказано, часто возражают, что человеческому познанию раз и навсегда поставлены «непроходимые границы». Этих границ нельзя переступить, поэтому должны быть отклоняемы всякие познания, не соотносящиеся с этими «границами». И крайне нескромным считается тот, кто хочет что-нибудь утверждать о вещах, относительно которых для многих несомненно, что они лежат по ту сторону границ человеческой способности познания. При таком возражении оставляют совершенно без внимания, что высшему познанию должно непременно предшествовать *развитие* человеческих познавательных сил. И то, что до этого развития лежит по ту сторону границ познания, после пробуждения тех способностей, которые дремлют в каждом человеке, лежит всецело *внутри* области познания. При этом, конечно, не должно упускать из виду одного обстоятельства. Могут сказать: что пользы говорить людям о вещах, для которых еще не пробуждены их познавательные силы и которые сами, следовательно, еще остаются для них закрытыми? Однако такое суждение неверно. Необходимы известные способности, чтобы найти те вещи, о которых здесь идет речь. Но когда их, после того, как они уже найдены, сообщают, то уразуметь их может каждый человек, обладающий непредвзятой логикой и здоровым чувством истины. В этой книге не сообщается никаких иных вещей, кроме тех, которые на каждого человека, обладающего всесторонним, не затемненным никаким предрассудком мышлением и непринужденным, свободным чувством истины, могут произвести впечатление, что при помощи них дается удовлетворительное объяснение загадок человеческой жизни и мировых явлений. Надо только стать на точку зрения: дает ли это удовлетворительное объяснение жизни, если правда все то, что здесь утверждается? И мы увидим, что *жизнь* каждого человека дает подтверждение этому.

Для того чтобы стать «учителем» в этих высших областях бытия, конечно, еще недостаточно, чтобы в человеке просто раскрылось чувство их. Для этого нужно также «знание» их, как требуется знание и для учительства в области обыкновенной действительности. И так как на самом деле вся действительность, низшая, равно как и высшая, духовная, составляет лишь две стороны одной и той же основной сущности, то невежественный в области низших познаний по большей части останется также невеждой и в высших вещах. Отсюда в том, кто – по духовному призванию – чувствует себя призванным рассказать о духовных областях бытия, рождается чувство неизмеримой ответственности. Оно обязывает его к скромности и сдержанности. Но это никого не должно удерживать от занятий высшими истинами. Даже того, кому его жизнь не дает повода заниматься обычными науками. Ибо можно вполне исполнить свое назначение как человека, ничего не понимая в ботанике, зоологии, математике и иных науках; но невозможно быть «человеком» в полном смысле слова, не приблизившись как-нибудь к сущности и назначению человека, раскрытым «высшею мудростью».

Высшее, к чему человек может обратить свой взор, он именует «божественным». И он должен свое высшее назначение как-нибудь связать с этим божественным. Поэтому и высшая мудрость, которая раскрывает ему его существо, а тем самым и его назначение, может быть названа «божественной мудростью» или *теософией*.

Исходя из намеченного здесь образа мыслей, в этой книге дается очерк теософского мировоззрения. Написавший его не излагает ничего, что не являлось бы для него *фактом* в таком же смысле, как переживание во внешнем мире является фактом для зрения и слуха и обыкновенного рассудка. Ведь здесь мы имеем дело с переживаниями, которые становятся доступны каждому, кто решится вступить на «путь познания», очерченный в особом отделе этой книги. В правильное отношение к вещам сверхчувственного мира становятся, когда предполагают, что здоровое мышление и ощущение в состоянии понять все, вытекающее из высших миров как истинное познание, и что, исходя из этого понимания и беря его за основание, тем самым делают важный шаг и на пути к своему собственному видению, хотя для достижения его должно превзойти и нечто иное. Но, пренебрегая этим путем и желая проникнуть в высшие миры *только* иным способом, закрывают себе дверь к истинному высшему познанию. Положение, что можно признать высшие миры, лишь увидев их, является препятствием для самого этого видения. Желание же сначала здравым мышлением понять то, что потом можно будет видеть, способствует этому видению. Оно волшебным образом вызывает наружу могучие силы души, ведущие к такому «созерцанию видящего».

Существо человека

Следующие слова Гёте прекрасно определяют исходную точку одного из путей, на котором может быть познано существо человека. «Как скоро человек замечает вокруг себя предметы, он их рассматривает в их отношениях к нему самому; и он прав, потому что вся его судьба зависит от того, нравятся ли они ему или нет, привлекают ли его или отталкивают, приносят ли ему пользу или вред. Это вполне естественный способ смотреть на вещи, и судить о них кажется столь же легким, как и необходимым; и все же человек подвержен при этом тысяче ошибок, которые часто пристыжают его и отравляют ему жизнь. Гораздо более тяжелый труд берут на себя те, кого живое стремление к знанию побуждает наблюдать вещи в природе, каковы они сами по себе и в их взаимоотношениях; ибо они скоро утрачивают то мерило, которое помогало им, пока они, как люди, рассматривали вещи по отношению к себе. Им не достает мерил, удовольствия и неудовольствия, притяжения и отталкивания, пользы и вреда; они должны совсем отказаться от него; как равнодушные и богоподобные существа, они должны искать и исследовать то, что есть, а не то, что им нравится. Так, настоящего ботаника не должна трогать ни красота, ни полезность растений; он должен исследовать их строение, их отношение к остальному растительному царству, и как все растения вызываются наружу и освещаются солнцем, так должен и он, ровным, спокойным взглядом взирать на них и осматривать их все, и мерило для этого познания, данные для суждения о них брать не из себя, а из круга наблюдаемых им вещей».

Эта высказанная Гёте мысль обращает внимание человека на тройное. Первое – это предметы, о которых к нему постоянно притекают вести через врата его чувств, предметы, которые он осязает, обоняет, вкушает, слышит и видит. Второе – это впечатления, которые они на него производят и которые сказываются как его удовольствие и неудовольствие, желание и отвращение, в том, что одни вещи он находит привлекательными, другие – отвратительными, одни полезными, другие – вредными. И третье – это познания, которые он, как «богоподобное существо», получает о предметах, тайны их действия и бытия, которые раскрываются ему.

Резко делятся эти три области в человеческой жизни. И поэтому человек замечает, что он тройно связан с миром. Первое есть нечто, что он застает, что он принимает как данный факт. Благодаря второму он делает мир чем-то, что касается его, что имеет значение для него. Третье – это то, что он рассматривает как цель, к которой он должен неустанно стремиться.

Почему является человеку мир в этом тройном образе? Самое простое наблюдение может нам прояснить это. – Я иду по лугу, поросшему цветами. Цветы говорят мне о своих красках при помощи моего глаза. Это факт, который я принимаю как данное. – Я радуюсь великолепию красок. Этим я обращаю данный факт в нечто, касающееся меня самого. При помощи моих чувств я связываю цветы с моим собственным бытием. Через год я снова прохожу по этому же лугу. На нем растут другие цветы. Новая радость вырастает во мне при виде их. Моя радость прошлого года возникает вновь, как воспоминание. Она во мне; предмет, который зажег ее, отошел. Но цветы, которые я теперь вижу, того же рода, как и прошлогодние; они выросли по тем же законам, как и те. Если я уразумел этот род, эти законы, то я найду их вновь и в этих цветах, как я узнал их в прошлогодних. И, быть может, я подумаю так: цветы прошлого года отошли; моя радость о них осталась лишь в моем воспоминании. Она связана только с моим бытием. Но то, что я узнал о цветах в прошлом году, это пребудет, пока растут такие цветы. Это нечто, открывшееся мне, но зависящее от моего бытия иначе, нежели моя радость. Мои чувства радости остаются во мне; законы же, сущность цветов, остаются вне меня в мире.

Так человек постоянно связан тройным образом с вещами мира. Не будем пока ничего впадать в этот факт, воспримем его таким, каким он нам представляется. Из него следует, что у человека в его существе есть три стороны. Только это, а не что-либо иное, должно быть пока

обозначено здесь тремя словами: тело, душа и дух. Тот, кто с этими словами соединит какие-либо предвзятые мнения или даже гипотезы, конечно, неизбежно поймет превратно дальнейшее изложение. Под телом здесь разумеется то, посредством чего для человека открываются предметы окружающего ему мира, как в вышеприведенном примере цветы лугов. Словом душа указывается на то, чем человек связывает вещи со своим собственным бытием, чем ощущает он от них удовольствие и неудовольствие, приятное и неприятное, радость и боль. Под духом разумеется то, что открывается в человеке, когда, по выражению Гёте, он, как «богоподобное существо» взирает на вещи. – В этом смысле человек состоит из тела, души и духа.

Через свое тело человек на мгновение может привести себя в связь с вещами. Через свою душу он сохраняет в себе впечатления, производимые на него вещами, и через его дух открывается ему то, что сами вещи хранят в себе. Только рассматривая человека с этих трех сторон, возможно надеяться постичь его существо. Ибо эти три стороны являют его в тройном различном родстве с остальным миром.

Своим телом человек сроден вещам, которые представляются извне его чувствам. Вещества внешнего мира составляют это его тело; силы внешнего мира действуют также и в нем, и как рассматривает он предметы внешнего мира своими чувствами, так может он наблюдать и свое собственное телесное бытие. Но душевное бытие невозможно рассматривать таким же образом. Все, что во мне происходит телесного, может быть воспринято чувствами. Но мое удовольствие и неудовольствие, мою радость и боль, ни я, ни кто-либо другой не может воспринять телесными чувствами. Душевное – есть область, недоступная телесному созерцанию. Телесное бытие человека открыто взглядам всех; душевное же бытие он несет в себе, как свой собственный мир. Через дух же человеку открывается внешний мир более высоким образом. Хотя внутри человека раскрываются тайны внешнего мира, но в духе он выступает из себя и предоставляет самим вещам говорить о самих себе, о том, что имеет значение не для него, а для них. Человек поднимает взор к звездному небу: восторг, переживаемый его душой, принадлежит ему, но те вечные законы звезд, которые он воспринимает в мысли, в духе, принадлежат не ему, а самим звездам.

Итак, человек – гражданин трех миров. Своим телом он принадлежит к миру, который он и воспринимает тоже своим телом; своей душой он строит себе свой собственный мир, через его *дух* перед ним раскрывается мир, который выше обоих этих миров.

Является понятным, что, вследствие существенного различия между этими тремя мирами, возможно вполне уяснить себе их и ту долю участия, которую может иметь в них человек, также только путем трех различных способов исследования.

Телесное существо человека

При помощи телесных чувств мы познаем тело человека. И способ рассмотрения при этом не может быть иным, чем тот, при помощи которого познаются другие чувственно воспринимаемые вещи. Как мы рассматриваем минералы, растения, животных, так же можно рассматривать и человека. Он сродни этим трем формам бытия. Подобно минералам, человек строит свое тело из веществ природы; подобно растениям, он растет и размножается; подобно животным, он воспринимает окружающие его предметы и, на основании впечатлений от них, слагает свои внутренние переживания. И поэтому человеку можно приписать бытие минеральное, растительное и животное.

Различие в строении минералов, растений и животных соответствует трем формам их бытия. Это строение – облик – и есть то, что мы воспринимаем чувствами, и лишь это одно можно назвать *телом*. Но человеческое тело отлично от тела животного. Это отличие должен признать каждый, как бы в остальном ни думал он о сродстве человека с животным. Даже крайний материалист, отрицающий все душевное, не может не подписаться под следующим положением, которое высказывает Карус в своем «Organon der Natur und des Geistes»: «Хотя для физиолога и анатома все еще остается неразрешимой загадкой тончайшее внутреннее строение нервной системы и особенно мозга, но, что эта концентрация образований все более и более возрастает в животном мире и в человеке достигает такой степени, как ни в каком другом существе, это есть вполне твердо установленный факт. Это имеет величайшее значение для духовного развития человека, и мы даже можем сказать прямо, является уже достаточным его объяснением. И поэтому, там, где строение мозга недостаточно развито, где обнаруживается малый размер его и скудность, как у микроцефалов и идиотов, там, само собой разумеется, не может быть и речи о возникновении оригинальных идей и о познании вообще – так же, как для человека с совершенно выродившимися и искалеченными органами воспроизведения не может быть речи о продолжении рода.

Хотя одно лишь сильное и прекрасно развитое строение всего человека, и в особенности мозга, еще не заменяют гения, однако составляют во всяком случае первое и неперенное условие для высшего познания».

Так же, как нужно было приписать человеческому телу три формы бытия: минеральную, растительную и животную, – нужно приписать и четвертую, особенную, человеческую. Через свою минеральную форму бытия человек сроден всему видимому; через растительную – всем существам, которые растут и размножаются; через животную – всем, которые воспринимают окружающее их и на основании внешних впечатлений имеют внутренние переживания; через человеческую – он, уже и в телесном отношении, образует свое особое царство.

Душевное существо человека

Как самостоятельный внутренний мир, душевное существо человека отличается от его телесности. Это самостоятельное обнаруживается тотчас же, как только мы обратим внимание на простейшее чувственное ощущение. Никто не может сразу узнать, воспринимает ли другой человек то же самое простое ощущение совершенно так же, как он сам. Известно, что есть люди, которые слепы к краскам. Одни видят предметы лишь в различных оттенках серого цвета. У других бывает лишь частичная слепота к краскам, и потому они не воспринимают лишь известных оттенков красок. Картина мира, которую дают им глаза, иная, чем у так называемых нормальных людей. То же самое можно сказать и о других чувствах. Из этого непосредственно следует, что уже простое чувственное ощущение принадлежит ко внутреннему миру. Моими телесными чувствами я могу воспринимать красный стол, который воспринимается и другим человеком, но я не могу воспринимать того ощущения красного цвета, которое есть у другого. Сообразно с этим чувственные ощущения надо обозначить как нечто душевное. Если только мы вполне уясним себе этот факт, то мы скоро перестанем смотреть на внутренние переживания, как на исключительно мозговые процессы или нечто подобное. К чувственному ощущению прежде всего примыкает чувство. Одно ощущение доставляет человеку удовольствие, другое – неудовольствие. Это – движения его внутренней, его душевной жизни. В своих чувствах человек присоединяет себе еще второй мир, к тому, который воздействует на него извне. И еще нечто третье присоединяется к ним: воля. Посредством воли человек действует обратно на внешний мир. И этим он налагает на внешний мир отпечаток своего внутреннего существа. Душа человека в его волевых актах как бы изливается наружу. Поступки человека именно тем отличаются от событий внешней природы, что носят на себе отпечаток его внутренней жизни. Так, душа противопоставляет себя внешнему миру, как нечто собственное свое человека. Из внешнего мира он получает побуждения. Но в соответствии с этими побуждениями он строит свой собственный мир. Телесность становится основой душевного.

Духовное существо человека

Душевное в человеке определяется не только телом. Человек не блуждает без направления и цели от одного чувственного впечатления к другому; также не действует он под влиянием любого раздражения, производимого на него извне, или через процессы его тела. Он *размышляет* о своих восприятиях и о своих поступках. Путем размышления о своих восприятиях он приобретает познание о вещах; посредством размышления о своих поступках он вносит в свою жизнь разумную связь. И он знает, что лишь тогда достойно, как человек, исполняет свою задачу, когда он руководится *верными мыслями* как в своем познании, так и в действии. Таким образом, душевное как бы стоит перед двоякой необходимостью. Оно определяется законами тела, в силу природной необходимости. И оно дает определять себя законами, приводящими его к верному мышлению, так как свободно признает их необходимость. Законом обмена веществ человек подчинен природой, законам мышления он подчиняется сам. Через это человек делает себя членом высшего порядка, чем тот, к которому он принадлежит через свое тело. И это порядок духовный. Насколько телесное отлично от душевного, настолько последнее, в свою очередь, отлично от духовного. Пока говорят только о частицах углерода, водорода, азота и кислорода, движущихся в теле, не имеют в виду души. Душевная жизнь начинается лишь там, где посреди этого движения выступает ощущение: я ощущаю сладкое, или, я чувствую удовольствие. Также мало имеют в виду дух, пока смотрят лишь на душевные переживания, протекающие через человека, когда он вполне предается внешнему миру и своей телесной жизни. Это душевное скорее есть только основа для духовного, как телесное есть основа для душевного. Естествоиспытатель имеет дело с телом, испытатель души (психолог) с душой, а испытатель духа – с духом. К тому, кто путем мышления хочет уяснить себе существо человека, должно быть предъявлено требование, чтобы путем размышления о самом себе он уяснил различие между телом, душой и духом.

Тело, душа и дух

Человек может правильно уяснить себе самого себя лишь, когда он вполне уяснит себе значение мышления в своем собственном существе. Мозг – есть телесное орудие мышления. Только человек с нормальными глазами может видеть цвета, так и соответственно построенный мозг служит ему для мышления. Все тело человека построено так, что в органе духа, в мозгу, оно находит свой венец. Лишь тогда можно постичь строение человеческого мозга, если рассматривать его в отношении к его задаче, состоящей в том, чтобы быть орудием мыслящего духа. Это показывает нам сравнительный обзор животного царства. У амфибий головной мозг еще мал сравнительно со спинным мозгом; у млекопитающих он сравнительно больше; у человека он наибольший по отношению ко всему остальному телу.

Против таких замечаний, касающихся мышления, какие высказываются здесь, господствует немало предрассудков. Некоторые люди часто склонны недостаточно ценить мышление, и выше ставить «внутреннюю жизнь чувств», «ощущение». Говорят даже, что к высшим познаниям поднимаются не «резвым мышлением», но теплотою чувства, непосредственной силой ощущений. Люди, которые так говорят, опасаются притупить чувство ясным мышлением. Это, конечно, так при обыденном мышлении, касающемся только области полезного. Но при том мышлении, которое ведет в высшие области бытия, происходит обратное. Нет такого чувства и энтузиазма, которые своей теплотой, красотой и возвышенностью могли бы сравниться с теми ощущениями, которые зажигаются чистыми, кристально ясными мыслями, относящимися к высшим мирам. Высшие чувства – это совсем не те, которые достигаются путем энергичной работы мысли.

Человеческое тело обладает строением, соответствующим мышлению. Те же вещества и силы, что находятся в человеческом теле в таком сочетании, что через это сочетание может проявляться мышление. Это минеральное, образованное сообразно своей задаче строение будет называться в последующем изложении физическим телом человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.